

ИСТОРИЯ

УДК 930:355/359.07

Р.С. Авилов

ПО ТРАНССИБУ НА ВОСТОК. ВИЗИТ МИНИСТРА ФИНАНСОВ В.Н. КОКОВЦОВА В ПРИАМУРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ В 1909 г.

На материалах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока исследуется история визита министра финансов Российской империи В.Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. Этот визит был одним из ключевых событий в истории дискуссии министров военного и финансов – В.А. Сухомлинова и В.Н. Коковцова – не только по вопросу о совершенствовании обороноспособности российского Дальнего Востока накануне Первой мировой войны, но и по всему комплексу проблем восстановления русской армии после войны с Японией, а также финансирования этого процесса.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; Владивостокская крепость; Военное министерство; Министерство финансов; В.Н. Коковцов; В.А. Сухомлинов.

Начало XX в. является одной из самых сложных и противоречивых страниц российской истории. Военные победы соседствовали с поражениями (Китайский поход 1900–1901 гг. и Русско-японская война 1904–1905 гг.), экономический рост, пик которого пришелся на 1913 г. – с целым клубком экономических и социальных проблем, Первая русская революция 1905–1907 гг. – с военными реформами, позволившими стране 4 года воевать в Первой мировой войне, ставшей для четырех участвовавших в ней империй последней. Столь плотная событийная насыщенность этого сравнительно небольшого по времени периода сделала его дискуссионным априори, до предела обострив внимание историков не только к событиям, но и к личностям. Деятельность многих из них столь же неоднозначна и противоречива, как и эпоха, в которой им пришлось жить и работать. К их числу относятся и министры, от образования, навыков, профессионализма и, не в последнюю очередь, характера которых в империи зависело очень многое. Большое внимание к их биографиям обусловлено еще и тем, что в силу особенностей административного аппарата Российской империи, методов правления Николая II и ряда других факторов, их реальное влияние на те или иные вопросы в стране зачастую далеко выходило за рамки их официальных полномочий. Классический пример – С.Ю. Витте, который, будучи в 1892–1903 гг. министром финансов, сосредоточил в своих руках многое из того, что должно было проходить по линии других ведомств: КВЖД – Министерства путей сообщения, дальневосточная политика – Министерства иностранных дел [1; 2. С. 94–95, 467–472; 3. С. 110–128].

Были и другие фигуры, возможно менее яркие, но не менее значимые. Среди них и Владимир Николаевич Коковцов – министр финансов в 1906–1914 гг., а с сентября 1911 г. – еще и председатель Совета министров [4. Т. 1. С. 198; Т. 2. С. 111]. Многие современники считали его талантливым финансистом и очень дельным министром, но далеко не все. В армейской среде репутация у него была сугубо отрицательная (и не только благодаря хроническому недофинансированию военных нужд). Последнее было во многом обу-

словлено объективной экономической ситуацией в империи, что в Военном министерстве понимали и в большинстве случаев ограничивали свои требования по нижнему пределу крайне необходимого [5. С. 103–106]. Вмешательство в сугубо военные и даже технические вопросы, попытки принимать решения за военных и настаивать перед императором на их реализации ему простить не могли. В результате уже после окончания Первой мировой войны со стороны военных мемуаристов (В.Н. Сухомлинова, А.С. Лукомского, А.Ф. Редигера и др.) в его адрес посыпалось множество обвинений [6. С. 300; 7. С. 232–236, 239; 8. С. 87–89]. Не остался в долгу и сам экс-министр финансов, опубликовав свой взгляд на «дела давно минувших дней» [9. С. 315–386, 475–502, 529–565, 709–735]. В результате получилась своего рода мемуарная дуэль В.Н. Коковцова и В.А. Сухомлинова, отголоски которой до сих пор наблюдаются в научных работах, где, в зависимости от симпатий исследователя, приводится точка зрения либо министра финансов, либо военного.

В этой связи возникает вопрос: кто же все-таки прав? Действительно ли В.Н. Коковцов ставил государственные интересы выше ведомственных или все было в точности до наоборот? Действительно ли он старался влезть буквально в каждый вопрос, подавляющее большинство из которых были не только вне его компетенции, но и далеко за пределами возможностей его понимания? Последнее утверждение очень часто встречается на страницах воспоминаний и мемуаров военных деятелей. Естественно, необходимо выяснить, соответствует ли оно действительности или было исключительно результатом личной неприязни.

Сделать это можно только путем обращения непосредственно к документам, написанным как самим В.Н. Коковцовым, так и под его руководством, тем более что они достаточно неплохо отложились в архивах. Причем наиболее целесообразно сосредоточиться на рассмотрении нескольких вопросов, по которым у него были наиболее острые столкновения с военными. Один из таких вопросов – дискуссия по обороне российского Дальнего Востока (Приамурский военный округ) и необходимости значительного

усиления Владивостокской крепости. В определенной степени она была инициирована снизу Командующим войсками Приамурского военного округа П.Ф. Унтербергером, прекрасно понимавшим, что в случае начала нового военного конфликта с Японией столкновения с Китаем или войны с обеими государствами сразу, чего он тоже не исключал, именно на войска вверенного ему округа выпадет задача продержаться во что бы то ни стало до прибытия подкреплений [10. Л. 1–4].

Ключевая роль здесь отводилась Владивостокской крепости, в которой для соответствия условиям современной войны требовалось возвести не только новую линию сухопутной обороны (старые форты были построены по тем же нормам, что и форты Порт-Артура, превращенные японской 11-дм артиллерией в горы щепня), но и кардинально усилить береговой фронт [11. Ч. 1. С. 155–201; 12. Ч. 2. С. 35–47, 203–299]. Между тем, несмотря на полную готовность на уровне окружного и крепостного начальства немедленно приступить к оборонительному строительству, последнее никак не начиналось. Причинами были отсутствие финансирования (целевые кредиты в округ не поступали, как считалось – по вине Министерства финансов) и проволоочки непосредственно в Военном министерстве [13. Л. 1–4].

В сложившейся ситуации П.Ф. Унтербергеру оставалось только засыпать, в самом прямом смысле этого слова, различные Петербургские канцелярии разного рода записками и телеграммами на эту тему. Например, 9 февраля 1909 г. он направил записку «Неотложные нужды Приамурья» с грифом «весьма секретно» председателю Совета министров П.А. Столыпину. В ней он в очередной раз предлагал петербургскому начальству для усиления обороноспособности российского Дальнего Востока активизировать переселение туда русского населения, ускорить строительство Амурской железной дороги, начатое в 1907 г., укрепить устье Амура и Владивосток, а также усилить сухопутные войска и флот [10. Л. 1–4].

Военный министр В.А. Сухомлинов докладывал Николаю II, что он разделяет высказываемые опасения, и работы по указанным направлениям ведутся. Причина же низких темпов строительства кроется в том, что он не может добиться от министра финансов В.Н. Коковцова отпуска средств даже на самые срочные работы по улучшению оборонительных сооружений Владивостокской крепости [9. С. 319]. В свою очередь министр финансов докладывал государю, «что все три года после заключения мира с Японией Министерство финансов не предложило ни одного сокращения в кредитах на Владивосток» и все требования пошли по сметам так, как они были заявлены военным ведомством. В то же время, по данным государственного контролера, часть средств остается не израсходованной, а на месте до сих пор идут споры по поводу выбора мест под строительство оборонительных сооружений [Там же. С. 320].

На счет отсутствия сокращений в кредитах министр финансов был совершенно прав, умалчивая, однако, что самих этих кредитов просто не было! Военный министр в период 1905–1909 гг. А.Ф. Редигер

вспоминал впоследствии, что «впервые чрезвычайные средства на улучшение обороны были получены летом 1908 года, и из них ничего не было уделено на Владивосток» [6. С. 300; 12. С. 35–41, 101–102].

Преипирательства кончились откровенным фарсом – император услышал о неутешительном состоянии оборонительного строительства во Владивостоке от японского посла, который сказал, что они прекрасно осведомлены о том, что «крепость Владивосток совершенно беззащитна», и «мы не начали еще самых основных работ, наши техники продолжают спорить между собою, где именно нужно ставить оборонительные сооружения», после чего принялся убеждать Николая II, что «государь имеет полную возможность вовсе не строить укреплений, поскольку Япония и не помышляет о каких бы то ни было агрессивных действиях!» Это стало последней каплей. Царь принял решение отправить на Дальний Восток самого министра финансов, который и выехал поездом из Москвы в самом начале октября 1909 г. Ему была поставлена задача ознакомиться на месте с положением дел, выяснить источники информации П.Ф. Унтербергера и разобраться, почему работы по крепостному строительству не двигаются, при том что деньги на них ассигнованы [9. С. 324–327; 14. Л. 8–8 об.].

По прибытии в Приамурский военный округ В.Н. Коковцов встретил П.Ф. Унтербергер, стремившийся как можно более наглядно продемонстрировать министру финансов всю сложность положения российской армии на далекой окраине. Он настоял, чтобы В.Н. Коковцов осмотрел «Амурскую флотилию, пригодную разве только для борьбы с Китаем, но не имеющую ни малейшего значения для отражения нападения Японии», побывал в урочище Новокиевское (современный пос. Краскино, Приморский край) – одном из важнейших стратегических пунктов Южно-Уссурийского края, расположенном в районе зал. Посьета, куда ему пришлось сплавить на крейсере «Аскольд» вместе с Командующим войсками Приамурского военного округа. «Пользы от этих экскурсий я никакой не извлек, только сократил время своего пребывания в Харбине, заставляя потом и себя и других работать по ночам», – впоследствии раздраженно писал министр финансов в своих воспоминаниях [9. С. 352–353].

Министру пришлось лично убедиться в серьезности положения Владивостока и нераспорядительности инженерного ведомства, что иногда приводило к казусам: в Петербурге интересовались степенью готовности фортификационных сооружений, строительство которых из-за проволоочек даже не было начато. Унтербергеру было заявлено, что необходимые кредиты ассигнуются в полном объеме, а проволоочки связаны исключительно с деятельностью Военного министерства.

«В присутствии коменданта крепости и генерал-губернатора, – вспоминал министр финансов, – Жигалковский совершенно открыто заявил мне, что ни он и никто из его сотрудников не верит тому, что когда-либо начнутся настоящие работы, что прав был в сущности генерал Редигер, предлагавший еще в 1905 или 1906 году просто упразднить Владивостокскую

крепость, потому что и он сам, и все местное управление инженерной частью крепости только даром получают жалованье и занимаются надоевшей всем бесплодной перепиской» [9. С. 354–355]. Сам того не подозревая, начальник инженеров крепости генерал-майор В.И. Жигалковский задел самолюбие министра финансов, ведь тогда, в 1907 г., В.Н. Коковцов был в числе тех, кто выступил категорически против идеи А.Ф. Редигера.

Примечательно, в этой связи, что первая встреча В.Н. Коковцова и его будущего визави военного министра В.А. Сухомлинова как раз и произошла в 1907 г. на заседании Совета Государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича-младшего. Обсуждался поднятый А.Ф. Редигером вопрос о необходимости отказаться от укрепления Владивостока, но защитить его от возможного нападения со стороны Японии, организовав сухопутную оборону Дальнего Востока около г. Никольск-Уссурийский. Тогда министр финансов В.Н. Коковцов, министр иностранных дел А.П. Извольский поддержали председателя Совета министров П.А. Столыпина и высказались категорически против предложения военного министра А.Ф. Редигера [9. С. 315–116, 355; 12. С. 101–102].

Так, без всякого намека на выход за пределы своей компетенции министр финансов описал поездку на Дальний Восток в своих воспоминаниях, лишь заметив под конец: «Все это я изложил в моем отчете, представленном государю, смягчив только краски, но не скрыв от него ничего из вынесенных впечатлений» [9. С. 355]. На самом деле доклад, который В.Н. Коковцов подготовил на обратном пути из Владивостока, содержал целую главу, посвященную вопросам обороны Дальнего Востока, а в ней три раздела – обороне Владивостока, т.е. для доклада министра финансов этот документ выглядел несколько оригинально [14. Л. 34 об.–41 об.]. Особенно с учетом того, что официально «главная цель моей поездки на Дальний Восток, согласно указаниям Вашего Величества, заключалась в ознакомлении: 1) с современным положением Китайско-Восточной железной дороги и ее охраны, а равно с теми условиями, в которых протекает управление этой важной для интересов России железнодорожной линии; 2) с тем влиянием, которое оказала отмена свободного ввоза иностранных товаров на положение нашего Дальнего Востока, поскольку влияние этой меры могло сказаться за непродолжительный промежуток времени, протекший со дня ее принятия, и 3) с общим положением нашей обороны на том же Востоке, поскольку это положение обуславливает собою необходимость предъявления к Государственному Казначейству в ближайшем будущем значительных требований» [Там же. Л. 8]. Впрочем, министр финансов честно отметил, что «к этим трем коренным вопросам, представлявшим ближайшую задачу посещения мною местностей Дальнего Востока, и я считаю своим долгом приурочить изложение общих моих заключений», которое и заняло большую часть доклада, ибо касалось почти всего: проблем внешней политики (ситуация в Китае и Мон-

голии), военных вопросов, «желтой опасности», «шпионства» и т.д. [14. Л. 8–48]. Императору доклад был доложен в середине ноября того же 1909 г. [9. С. 353–355; 14. Л. 48].

Анализ документа показывает, что критика военных была более чем справедлива – в своем стремлении во что бы то ни стало «свести баланс» В.Н. Коковцов действительно интересовался абсолютно всем, имея привычку высказывать свое мнение даже по тем вопросам, в которых решительно ничего не понимал. Причем смотрел он на все практически исключительно сквозь призму насущной необходимости всемерного сокращения расходов Государственного Казначейства.

На практике это выглядело следующим образом. В своем докладе В.Н. Коковцов постоянно и разных вариациях использовал речевой оборот «не присваивая себе ни малейшего права суждения о предметах специальных, я не могу однако умолчать перед Вашим Императорским Величеством...» и ниже принимался излагать императору собственную точку зрения по каждому вопросу, в том числе и сугубо военному или военно-морскому.

Так, описывая, в связи с обзором вопроса об отмене порто-франко, «современное положение и нужды Владивостока», он отмечал: «...я не могу не умолчать перед Вашим Императорским Величеством о современном положении Владивостока, как нашего единственного сколько-нибудь оборудованного отпусного и приемного порта на Тихоокеанском побережье. Превосходные природные свойства Владивостока обеспечивают за ним право на блестящую будущность» [14. Л. 34]. Город быстро оправился после погромов Первой русской революции 1905–1907 гг. и вступил на путь прочного развития, «которое будет идти вперед быстрыми шагами, если только какие-либо внешние условия не задержат его прогрессивного роста» [Там же]. В нем заметно возросло число крупных построек, увеличилось население, застоя в торговле совершенно не наблюдалось. Только бросалась в глаза поспешная замена иностранных товаров русскими в результате отмены порто-франко 16 января 1909 г. [14. Л. 34; 15].

«В то же время, однако, Владивостокский порт представляется далеко не оборудованным и нуждается в крупных усовершенствованиях». Это предложение Николай II дважды отчеркнул и наложил резолюцию: «Нужно все сделать, чтобы Владивосток стал большим и благоустроенным портом» [14. Л. 34]. «Вопрос этот не составляет, правда, предмета ведения Министерства Финансов, – продолжал В.Н. Коковцов, – и отнесен всецело к компетентности Министерства Торговли и Промышленности, которому я сообщу все добытые мною на месте сведения и предположения. Но предшествующий ход работ по оборудованию Порта характеризуется такой медлительностью, что я считая своею обязанностью, не выжидая принятия соответственных мер по Министерству Путей Сообщения, распорядился приступом во Владивостоке без всяких замедлений к исполнению всего того, что относится к обязанностям Общества Китайско-Восточной железной дороги, как арендатора казенной

Уссурийской дороги» [14. Л. 34]. Иными словами, даже раздел о Владивостоке министр финансов начал с рассказа о частичном вмешательстве в сферу деятельности других ведомств.

По его распоряжению с тесной территории Владивостокской железнодорожной станции перенесли на несколько верст, на Первую Речку, всю сортировку вагонов и распределение грузов. Последние направлялись оттуда непосредственно на мыс Эгершельд, где были расположены возведенные Обществом КВЖД пристани и складские помещения как для экспортных, так и для ввозимых грузов. Там же на Эгершельде уже была частично увеличена причальная линия и возведены новые пакгаузы для хранения экспортных и привозных товаров, но так как того и другого оказалось все-таки недостаточно, то В.Н. Коковцов предложил Обществу КВЖД «приступить немедленно, на счет имеющихся у него (т.е. Общества КВЖД. – *Р.А.*) специальных средств, к увеличению, с помощью засыпки, площади порта на 5 000 квадратных сажен с возведением на ней крытых хранилищ площадью до 4 000 квадратных сажен». Параллельно с этим шла полная перестройка Владивостокского железнодорожного вокзала, которую предполагалось завершить в следующем году [Там же. Л. 34–34 об.].

Впрочем, проблемы порта этим далеко не исчерпывались, поэтому министр финансов, Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер и Владивостокский городской голова И.И. Циммерман обсудили их прямо на месте, а составленные по этому предмету «общие заключения» В.Н. Коковцов обещал передать в соответствующие учреждения других ведомств, по принадлежности [14. Л. 34 об.; 16. С. 125].

Значительно больше внимания он уделил вопросам обороны русского Дальнего Востока, к которому было приковано внимание всего местного населения. «К этому вопросу заметно здесь даже какое-то до известной степени болезненное и напряженное отношение. С кем бы ни заходила речь – с начальником и края, с чинами ли различных правительственных установлений, с общественными ли учреждениями или с отдельными представителями торгово-промышленного класса, у всех на уме один настойчиво предъявляемый вопрос о непрочности нашего положения на Востоке, о неизбежной близости нового конфликта, о полной незащитности края от внешнего нападения и о бесполезности при таких условиях затрачивать энергию или средства на то или иное производительное дело в крае», – констатировал В.Н. Коковцов [14. Л. 34 об.–35]. Опасения он считал сильно преувеличенными, сформировавшимися под влиянием, во-первых, неудач Русско-японской войны 1904–1905 гг., «которые были почувствованы на Дальнем Востоке ближе и непосредственнее, нежели коренную Россию, отдаленную от места вооруженного столкновения десятком тысяч верст», а во-вторых, наглядностью для населения разницы между тем, что делалось для поднятия обороноспособности региона российскими властями, и тем, что оно ежедневно узнавало о деятельности потенциального противника. Ощутимого усиления российских войск в регионе за

прошедшее с окончания войны время население не видело [14. Л. 35].

Характерно, в этой связи, что это было показателем в первую очередь не бездействия военных, а слабости «идеологической работы» – ведь многие мероприятия были секретными и никто специально не информировал население о том, что началось активное строительство новых казарм, и военные части постепенно переходят из землянок в хорошие помещения, несколько улучшилась материальная часть армии, все больше внимания уделяется обучению. Не говоря уже о кипучей штабной работе по разработке новых военных планов [12. Ч. 2. С. 17–18, 49–55, 128–139; 14. Л. 35; 17. Л. 202–205]. Зато оно прекрасно видело почти незащищенную границу, периодически пересекаемую бандами китайских разбойников-хунхузов, промышленную и транспортную слабость региона, низкую численность населения. «Оно понимает, что доблестью солдата нельзя теперь ограждать неприкосновенность государства, и, под влиянием недавнего разочарования, смотрит на будущее гораздо более мрачно, чем, по-видимому, следовало бы, не отдавая себе отчета в тех политических комбинациях, которые существенно изменяют взаимные отношения между собою различных государств» [14. Л. 35].

Министр финансов настаивал на необходимости решительно бороться с такими упадническими настроениями, принять все возможные меры, чтобы внушить населению более спокойное настроение, тем более что регион обладал всеми предпосылками, для того чтобы, как и вся Сибирь, при благоприятных политических условиях «зажить бурной жизнью», и делал значительные успехи в своем развитии [Там же. Л. 35–35 об.].

Однако насущные проблемы усиления обороны Дальнего Востока России при этом все равно нужно было решать. Ключевых вопросов, по которым шли дискуссии как между министерствами военным, морским и финансов, так непосредственно в первых двух ведомствах, было два. Во-первых, организация обороны р. Амур и его устья и, во-вторых, строительство Владивостокской крепости [12. Ч. 2. С. 35–47, 203–204]. Разумеется, В.Н. Коковцов имел собственное мнение по каждому из этих вопросов, попытавшись донести до императора что-то вроде стратегического очерка собственного сочинения: «Оборона нашего Дальнего Востока основана на определенном плане мероприятий по охране нижнего течения Амура, с одной стороны, и подступов к Владивостоку с моря – с другой. Оба эти вопроса имеют в моих глазах совершенно различное значение. Оборона верхнего и среднего Амура предусматривает столкновение с Китаем. Оборона нижнего течения Амура, к организации которой еще не приступлено, точно так же, как и прибрежная оборона Владивостока, имеет ввиду Японию» [14. Л. 36].

Относительно обороны верхнего и среднего течения Амура министр финансов посетовал, что в настоящее время идет создание на р. Амур флотилии канонерских лодок, которая уже обошлась в 18 млн руб. Траты он считал совершенно излишними, необходи-

мость флотилии – сомнительной, а опасность со стороны Китая – в значительной мере преувеличенной. Отмечая, что «Китай, в особенности сопредельный с нами, как военная сила, в настоящее время еще не существует» [14. Л. 36–36 об.], он не только полностью игнорировал сведения, поступающие как по линии военного ведомства [18. Л. 27–30, 32–33], так и по линии МИДа, но и демонстрировал неумение разобрататься во внешнеполитической информации, полученной его собственным ведомством [14. Л. 41–46].

Из информации о том, что в Маньчжурии только приступили к формированию войск нового типа, так называемых Лу-дзюнь, которые по своей выправке, снаряжению и командному составу офицеров действительно выгодно отличались от войск всех других наименований (один пехотный батальон в Цицикаре и бригада сокращенного состава в Мукдене) он делал вывод об отсутствии опасности на русско-китайской границе [Там же. Л. 36 об.]. Выводы были ошибочными, так как уже к 1911 г. в результате военных реформ там было сформировано 14 дивизий и 18 смешанных бригад общей численностью свыше 174 тыс. солдат и офицеров. В итоге у восточных границ Российской империи возникла пусть и не многочисленная, но современная профессиональная армия, созданная по германскому образцу, с хорошей выучкой и дисциплиной [18. Л. 27–28; 19. С. 470].

Более того, если вероятность организованного военного вторжения со стороны Китая действительно была минимальна, то общая ситуация в Дайцинской империи, грозившая в любой момент разразиться революцией и привести к полной потере управляемости страной и многомиллионным населением, внушала как военным, так и дипломатам очень серьезные опасения. Министр финансов их явно не понимал и не разделял, отмечая, что с постройкой флотилии можно было повременить, а затраченные на нее деньги могли быть «с гораздо большею пользою обращены на то же дело государственной обороны, но в другом направлении. Однако так как это дело уже выполнено и в будущем году должны прибыть из России на место все канонерки, заказанные для среднего Амура, то необходимо по крайней мере завершить начатое дело и оправдать произведенные затраты соответствующею организацией личного персонала флотилии» [14. Л. 36 об.].

Далее, не имея никакой информации по этому поводу от Морского министерства, В.Н. Коковцов пустился в рассуждения об обеспечении флотилии хорошо подготовленным офицерским составом и технически обученным контингентом нижних чинов, без чего «канонерские лодки успешно плавать не могут; их механизмы до такой степени сложны (двигатели Дизеля), что со сдачею канонерок Балтийским заводом и выездом в Россию механиков этого завода флотилия может оказаться в критическом положении» [Там же. Л. 37]. Таким образом, министр и здесь открыл банальность, отдав дань моде и сделав собственные выводы из опыта Цусимского сражения.

Важнее было то, что В.Н. Коковцов довел до сведения Николая II и некоторые размышления служивших на Амуре флотских офицеров, как обычно,

оформив их как собственные соображения: «Необходимо также установление такого порядка службы, при котором офицер не выходил бы из общей очереди прохождения службы во флоте и по прослужении на Амуре хотя бы нескольких лет мог бы рассчитывать на возвращение в активный флот. Иначе офицерский состав Амурской флотилии окажется совершенно выбитым из морской колеи, и оборона Амура не получит соответствующего командного состава». Эта, безусловно, важная мысль была отчеркнута императором один раз на полях доклада, однако какой-либо Высочайшей резолюции по этому поводу не последовало [14. Л. 37].

Что касается активно обсуждавшихся тогда вопросов обороны нижнего Амура, которые пугали министра финансов возможностью в любой момент получить запрос на выделение 45 млн руб. (в дальнейшем затраты могли существенно возрасти), то «отнодь не позволяя себе входить в чужую мне область военных соображений, я позволю себе однако высказать, что эти затраты следовало бы, по крайней мере, отложить на последнюю очередь. Трудно представить себе, чтобы Япония, желая вторгнуться в пределы России, избрала для этого путь через устье Амура и огромную пустынную территорию, лежащую вверх от Николаевска, и начала военные действия на таком отдаленном и невыгодном для наступавшего театре войны. Для этого у нее есть более близкие и удобные объекты нападения в виде Владивостока, Уссурийского края, линии Китайско-Восточной железной дороги и даже границы Забайкалья» [Там же].

С одной стороны, из-за подобных рассуждений империя в 1905 г. потеряла южную половину о. Сахалин. Остров с его «огромными пустынными территориями» тоже считался малопривлекательным и неинтересным для потенциального противника, в связи с чем нормально продумать и организовать его оборону так и не удосужились [20. С. 9–18, 55–61]. С другой – в данном случае позиция министра финансов в итоге победила. Несмотря на то что фортификационное укрепление р. Амур от Николаевска и ниже по течению в Военном министерстве считали крайне необходимым, а японцы действительно активно занимались в том районе разведкой и промером глубин для планирования возможного вторжения, о чем в Приамурском военном округе хорошо знали [21. С. 153–154], начало в этом районе масштабного оборонительного строительства отложили по финансовым соображениям. Дальнейшей реализации этих планов помешала Первая мировая война. Они были частично осуществлены уже в советское время на новом витке истории оборонительного строительства в регионе [22. С. 96–100, 121].

«Между тем разбрасывая наши средства на оборону, стремясь оградить себя и по всему течению Амура и со стороны Владивостока, мы только можем упустить из-за второстепенного главное и явиться неподготовленными и даже беззащитными именно там, где будут решаться судьбы нашего Дальнего Востока. Я считаю поэтому своим долгом доложить Вашему Императорскому Величеству, что в отношении морской

обороны наши усилия должны быть сосредоточены именно на обороне Владивостока» [14. Л. 37 об.], – заключил министр финансов и перешел к... описанию обороны Владивостока с моря. Наиболее вероятно, что он просто принялся пересказывать (благо память у В.Н. Коковцова была исключительная) все то, что ему говорили во время его визита в крепость ее комендант, офицеры, военные инженеры, да и сам сопровождавший его Командующий войсками Приамурского военного округа – военный инженер по специальности, проектировавший в крепости береговые батареи еще в 80-х годах XIX в. [11. Ч. 1. С. 289–311].

Коковцов докладывал, что задача организации обороны с моря у Владивостока обуславливается необходимостью воспрепятствовать противнику произвести высадку десанта в пределах зал. Петра Великого между заливами Посыета и Америка. Задача была простой только при взгляде на карту. На практике же расстояние между заливами Посыета и Америка составляло свыше 275 верст, а географические и мореходные условия были достаточно сложными, особенно со стороны Уссурийского залива. Эта задача была совершенно непосильна имевшемуся тогда во Владивостоке «ничтожному флоту», к анализу боевой силы которого министр финансов и приступил. «Не считая и совершенно неудовлетворительных судов неподвижной минной обороны, из коих 3 еще переделываются из транспортов, хотя по признанию Начальника морских сил, и по приведении в порядок далеко не будут на высоте своего назначения, весь Владивостокский флот состоит из 2 крейсеров “Аскольда” и “Жемчуга” и судов подвижной минной обороны – подводных лодок и миноносцев. Но и эта подвижная оборона находится в положении более, чем слабом. Из 13 находящихся на лицо подводных лодок ни одна по своим качествам – ни по водоизмещению, ни по скорости хода, ни по характеру двигателей – не удовлетворяет современным задачам обороны и не может удалиться на значительное расстояние от порта. Не лучше обстоит дело и с миноносцами. Всех их 20, но это все суда устарелого типа, малого и притом разного водоизмещения, недостаточной скорости и слабого вооружения. Правда, по части подвижной обороны в последнее время кое-что сделано в смысле улучшения снабжения минами и более обеспеченного их хранения, но все прочие средства обороны совершенно отсутствуют» [14. Л. 37 об.].

Такое положение дел привело к тому, что в народе «Морские силы в Тихом океане» именовали просто «тихими силами» [14. Л. 37 об.; 18. Л. 34]. Эта горькая ирония была вставлена В.Н. Коковцовым в доклад с уточнением, что все это «конечно, близко известно Вашему Императорскому Величеству из докладов Морского Министра, и я позволю себе только всеподданнейше докладывать, что по моему крайнему убеждению, такое безотрадное положение не будет устранено до тех пор, пока Морское Министерство не выведет вопроса об обороне Владивостока из общей программы судостроения» [14. Л. 37 об.].

Вопрос был принципиальный, поскольку на реализацию колоссальной по масштабу морской програм-

мы, предусматривавшей изначально строительство для Тихого океана даже линейного флота, денег в бюджете действительно не было, а вот на строительство небольших кораблей для системы обороны Владивостока с моря были. Обсуждение первого и «испрошение кредитов в законодательном порядке потребует еще много времени и будет сопровождаться многими, трудно преодолимыми трениями», а что касается второго, то «оборона Владивостока есть дело совершенной неотложности и, насколько я могу судить, дело это не вызывает в законодательных учреждениях сколько-нибудь существенных затруднений, если ведомства военное и морское войдут одновременно с достаточно мотивированными представлениями об ассигновании необходимых кредитов» [14. Л. 37 об.].

Коковцов напомнил, что уже несколько раз безуспешно заявлял об этом министрам морскому и военному, излагал свое мнение в Совете министров и даже имел случай объясняться с некоторыми руководителями думских партий. «Позволю себе доложить и Вашему Императорскому Величеству, – резюмировал министр, – что если ВАМ угодно, чтобы оборона нашей дальневосточной окраины сдвинулась с той мертвой точки, на которой она стоит уже 4 года, вполне оправдывая тревожное настроение населения, то рассчитывать на это можно только в одном случае: если из сложного, спорного и крайне трудного вопроса о том, какой нам флот строить, какие крепости упразднять и какие усиливать, будет выделен в первую очередь вопрос об обороне Владивостока с суши и с моря и выработана простая и ясная программа его разрешения» [Там же].

О том, что «простая и ясная программа» уже разработана, представлена Николаю II В.А. Сухомлиновым в виде доклада «О преобразовании войск Дальнего Востока» и даже Высочайше утверждена 12 мая 1909 г., т.е. незадолго до отъезда В.Н. Коковцова на Дальний Восток, министр финансов скорее всего не знал [12. Ч. 2. С. 196–197]. Однако в дальнейшем это заявление дало возможность уже военному министру в очередной раз доложить императору о необоснованных нареканиях на военное ведомство со стороны финансового [18. Л. 33–34].

Любопытнее всего, что ниже министр финансов начал излагать свое видение этой программы, и если указание, что «в этой программе, по моему крайнему убеждению, следует ограничиться лишь строго необходимым, памятуя, что лучшее всегда враг хорошего», хотя и было банальностью, но вполне соответствовало истине, то его выкладки по многим специальным вопросам не выдерживали ни малейшей критики. В качестве примера отрицания моряками во Владивостоке приведенной выше мудрости он указывал, что к констатации на необходимость надлежащей организации неподвижной и подвижной минной обороны ими присоединилось требование о снабжении порта четырьмя броненосными крейсерами типа “Адмирал Макаров” для противодействия вылавливанию минных заграждений и поддержки миноносцев “в известном расстоянии от порта” в открытом море. “Нельзя, конечно, возражать против необходимости

обеспечить оборону минными заграждениями, – авторитетно докладывал государю министр финансов, – а следовательно, и против необходимости располагать минными заградителями должной скорости хода. Бесспорно также, что задача отражения нападающего флота в такой местности, которая имеет ограниченное протяжение – 275 верст – и где в главном узле должны быть сильные береговые укрепления, всего ближе доступна лодкам подводного плавания и миноносцам, при условии, конечно, если эти суда отвечают всем современным требованиям, чего нельзя сказать о Владивостокских лодках и миноносцах. Но трудно понять, на чем может быть основана необходимость располагать для целей обороны быстроходными крейсерами типа «Адмирал Макаров». Самая мотивировка этого требования, указывающая на то, что задачей этих крейсеров будет противодействие вылавливанию мин заграждения и поддержка миноносцев в открытом море, совершенно неясна, так как, не подлежит сомнению, нападающий флот будет располагать судами лучшего хода и с более сильной артиллерией» [14. Л. 37 об.–38]. Еще больше Коковцову не нравилось то, что включение такого требования в обособленную программу обороны Владивостока вызовет необходимость расхода в несколько десятков млн руб.

Министр финансов, периодически мнящий себя экспертом в вопросах армии и флота, так и не понял простой истины, что минные заграждения без наблюдения за ними и воспрепятствования работе неприятельских тральщиков бесполезны. Противник просто произведет их траление, расчистив себе фарватер. Осталось для него непонятным и то, что сам процесс траления не производится ни тяжелыми крейсерами, ни уж тем более эскадренными броненосцами. Правда же его слов заключалась в том, чего он как раз не знал – строительство морально устаревших броненосных крейсеров с паровыми машинами тройного расширения, когда шел повсеместный переход на паровые турбины, действительно стало бы малополезной тратой государственных средств. Более того, сам броненосный крейсер «Адмирал Макаров» строился в 1904–1907 гг. во Франции на верфи фирмы «Форж э Шантье» («Forges et Chantiers») по проекту, разработанному еще в 1898 г. (т.е. до Русско-японской войны 1904–1905 гг.), заметно устаревшему ко времени закладки корабля. По этой причине в проект постоянно вносились различные изменения уже в ходе строительства [23. С. 49–56].

Впоследствии морское ведомство приняло решение построить вместо них два быстроходных турбинных легких бронепалубных крейсера типа «Адмирал Невельской» («Адмирал Невельской» и «Муравьев-Амурский»), которые были включены в Большую судостроительную программу 1912–1916 гг. Однако, исходя опять-таки из узко-финансового подхода, насаждаемого тем же В.Н. Коковцовым, проектирование, а затем и строительство крейсеров были заказаны в 1912 г. в Германии! И это притом, что именно отечественный проект Невского судостроительного завода наиболее полно отвечал требованиям технических условий конкурса. Фирма «Ф. Шихау» («F. Schi-

chau»), имевшая заводы в Данциге и Эльбинге, обязалась подготовить первый крейсер к 15 июля 1914 г., а второй – на четыре месяца позже. Результат оказался вполне прогнозируемым. Когда летом 1913 г. морской министр адмирал И.К. Григорович, решив лично ознакомиться с ходом работ по строительству этих крейсеров, отправился в Данциг, он с удивлением обнаружил, что «отцы города» и главные руководители фирмы «Ф. Шихау» в срочном порядке куда-то уехали по «неотложным делам». Уехали, несмотря на то, что о визите русского министра в Данциг и германские власти, и руководство фирмы были предупреждены за несколько дней. Осмотр мастерских и стапелей, где должны были строиться крейсера, убедил И.К. Григоровича, что сроки контракта фирма не выполнит. Инженеры завода и кораблестроители доказывали, что задержка вызвана строгостью наблюдения и частыми забастовками, однако русский «наблюдавший» за постройкой кораблей придерживался другого мнения. Он доложил министру, что в настоящее время все силы брошены на срочную постройку немецких судов, а на стапелях, отведенных для русских кораблей, никто не работает. В итоге оба крейсера были спущены на воду в 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны реквизированы германским правительством и достроены уже для немецкого Флота открытого моря под названиями «Эльбинг» («Elbing») и «Пиллау» («Pillau»), вступив в строй, соответственно, в сентябре и декабре 1914 г. [23. С. 171–172, 326–336, 539].

Как человек исключительно наблюдательный, подметил В.Н. Коковцов и одну странность. Владивостокский порт к этому времени обладал тремя прекрасными доками, в нем заканчивались сборка и исправление большого плавучего дока, а прекрасные механические мастерские были «оборудованы станками новейшего устройства, пригодными к сооружению машин самой сложной конструкции, – и все это пустует и бездействует или используется для того, чтобы переделать грузовые транспорты («Ксения») в такие минные, о которых у Начальника морских сил заранее сложилось убеждение, что они будут судами, непригодными к боевой службе». Напомнив, что когда идет речь о снабжении Владивостока подводными лодками, миноносцами и минными заградителями, обыкновенно имеется ввиду, что суда эти будут построены в Петербурге и отправлены по назначению или в разобранном виде по железной дороге, или в готовом – морским путем, он задал вполне резонный вопрос: «Не правильнее ли однако было бы, воспользовавшись роскошным оборудованием механических мастерских, дополнить его небольшим кораблестроительным цехом и открытым стапелем, с тем, чтобы в течение 9 месяцев в году производить на месте работы по постройке тех же небольших судов для Владивостокского порта»? Николай II написал напротив этого предложения: «Бесспорно» [14. Л. 38–38 об.]. Однако метод изыскания средств, который предложил министр финансов, а именно отложить временно во Владивостоке сооружение жилых домов и административных построек и обратить сбереженные сред-

ства на указанное дополнение в оборудовании механических мастерских, привел к тому, что подобное рациональное использование избыточных военно-технических мощностей было осуществлено уже в советское время, когда возможности завода использовались именно таким образом – там собирали эскадренные миноносцы и подводные лодки (в том числе знаменитую С-56).

Любопытно, что и здесь В.Н. Коковцов выдержав этикет в отношении морского ведомства («Морской Министр, конечно, лучше меня ответит Вашему Императорскому Величеству этот вопрос, я же, не будучи достаточно знаком с технической стороной дела, позволяю себе только обратиться на него ВАШЕ внимание»), не смог удержаться от того, чтобы не вставить шпильку военным: «Это бьющее в глаза противоречие невольно вызывает недоумение, для чего производились колоссальные затраты на все превосходное оборудование...» [14. Л. 38–38 об.].

Было совершенно очевидно, что делалось это для создания базы российского ВМФ на Тихом океане на территории собственного государства, а не Китая, где находился Порт-Артур. Про то, зачем Министерство финансов построило для японского ВМФ глубоководный порт в Дальнем (Дальянване, Дальяне), который японцы на протяжении всей Русско-японской войны 1904–1905 гг. использовали для доставки грузов действующей армии, в том числе тяжелой артиллерии, и сколько на это было потрачено денег, В.Н. Коковцов предпочитал не вспоминать. Именно он в 1896–1902 гг. был товарищем (т.е. помощником) и правой рукой министра финансов С.Ю. Витте [4. Т. 2. С. 111], Дальний строился при нем, и все финансовые обстоятельства этого дела проходили через его руки. Между тем эта ситуация тоже вызывала у военных «недоумение» и множество вопросов, тем более что итоговую точную цифру расходов на эту «стратегическую диверсию» Министерство финансов официально так и не обнародовало, а приблизительная составляла около 43 млн руб. [24. С. 200–201]. Коковцов настолько сильно «стеснялся» это афишировать, что, даже будучи в эмиграции, свои очень солидные по объему воспоминания начал с 1903 г., обойдя все эти вопросы молчанием [9. С. 3–89].

Значительно меньше внимания министр финансов уделил анализу сухопутной обороны крепости: «Обращаясь к сухопутной обороне крепости и также не присваивая себе ни малейшего права суждения о предметах специальных, я не могу однако умолчать перед Вашим Императорским Величеством о том общем впечатлении, которое произвело на меня ознакомление с условиями обороны Владивостока. Впечатление это почти столь же безотрадное, как и то, которое я вынес по части морской обороны» [14. Л. 38 об.].

Мысли В.Н. Коковцова по этому вопросу представляли собой достаточно причудливую смесь услышанного от военных инженеров с его собственными наблюдениями и выводами, опять-таки сводившимися к вопросам бюджетной экономии. Он отметил, что за прошедшее с момента окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. время некоторые

улучшения в крепости все-таки имели место, правда, касались они в основном не фортификационной составляющей. Многие войсковые части гарнизона уже были размещены в новых казармах, производивших впечатление отлично возведенных зданий. Для хранения запасов строились вместительные склады, «останавливающие на себе внимание солидностью постройки, обдуманностью плана и вместе с тем сравнительно невысокою стоимостью» – 90 руб. за квадратную сажень. И это при том, что из-за особенностей рельефа (Владивосток расположен на сопках) склады приходилось строить на косогорах, что вызывало необходимость дополнительного возведения подпорных стенок. В целом же он был недоволен как уже выполненными, так и продолжавшимися работами, которые оставили у него впечатление не удовлетворявших «строгому выполнению утвержденного плана» [14. Л. 38 об.–39], что вполне соответствовало действительности, ибо часть этих планов все еще продолжала путешествовать по лабиринтам петербургских канцелярий.

Докладывая об этом Николаю II, В.Н. Коковцов окончательно забыл о своем обещании и пустился в откровенный пересказ выводов генерал-майора В.И. Жигалковского и начальника штаба Владивостокской крепости полковника (с 6 декабря 1910 г. – генерал-майора) А.П. Будберга, что выглядело для главы Министерства финансов уже совсем странно: «Во многих частях к выполнению наиболее неотложных сооружений и вовсе не приступлено. Северная оборонительная линия совершенно не начата постройкою. Некоторые батареи, хотя и снабжены присланными с западной границы 10-дм пушками, но орудия эти не новейшей конструкции. Имеющиеся на нескольких батареях снарядные погреба не рассчитаны, однако, на способность сопротивления современным 11-дм орудиям. Сообщение между фортами, протяженностью до 350 верст, неудовлетворительно. Сеть крепостных дорог недостаточно развита, и на многих дорогах имеются лишь деревянные мосты не выдерживающие при пересеченной местности крепостного района сколько-нибудь сильного дождя. Обмен сношениями между фортами и укреплениями не обеспечен надежно устроенною телеграфною сетью» [14. Л. 39].

Те же люди пытались объяснить ему, что наибольшую опасность для крепости представляют малочисленность ее гарнизона по сравнению с размерами линии сухопутной обороны (перед Русско-японской войной гарнизона рассчитывали по сильно устаревшим нормативам, что сыграло свою роль в том числе и в Порт-Артуре [25. С. 33–35]) и несоответствие артиллерии условиям современной войны. Последнее было вызвано не только моральной устарелостью некоторых артиллерийских систем, установленных на береговом фронте крепости, но и тем, что вернувшиеся вместе с воевавшими войсковыми частями полевые орудия хотя и имелись в достаточном количестве, но были очень сильно изношены и нуждались в срочной замене. Более того, в силу особенностей рельефа заменять их нужно было на гаубицы,

которых в крепости в то время вообще не было. Необходимость в них была очевидна, поскольку другие типы орудий с их настильной траекторией стрельбы во многих секторах сухопутного фронта крепости просто невозможно было использовать [12. Ч. 2. С. 282, 294; 14. Л. 39]. Эти мысли во время заседаний во Владивостоке тоже попытались донести до В.Н. Коковцова, а через него и до императора.

Сделанный им вывод, по сути, представлял собой квинтэссенцию состояния российской армии на уровне военных округов накануне Первой мировой войны: «Вообще крепость Владивосток производит впечатление такого центра, в котором все знают, что нужно делать, но не приступают к работе по неимению соответствующих кредитов» [14. Л. 39 об.]. Действительно, если наверху, в Военном министерстве, шли нескончаемые дискуссии, то внизу, в военных округах, многие наиболее одаренные офицеры прекрасно понимали, что и как нужно делать, и по мере возможности реализовывали свои идеи на практике. Однако их возможности были сильно ограничены сферой их компетенции и ассигнуемыми средствами.

Для Приамурского военного округа такое положение дел вообще было характерной особенностью на всем периоде его существования с 1884 по 1918 г. Например, Командующий войсками округа и Окружной штаб были категорически против резкой активизации внешней политики империи на Дальнем Востоке в 90-е гг. XIX в. без достаточного наращивания в регионе экономического и военного потенциала; против прокладки важнейшей стратегической железной дороги (КВЖД) по территории Китая, настаивая, что нужно либо включить территорию в состав империи, либо – что выгоднее и удобнее – провести ее по своей территории; против занятия Порт-Артура и аренды каких-либо китайских территорий предлагая вначале освоить то, что уже есть; предостерегали от недооценки военного потенциала Японии. Однако в столице каждый раз принимали решения, лишь послушав, но не услышав мнение военных, действительно хорошо знакомых со спецификой региона.

Именно поэтому в Приамурском военном округе визит каждого высокопоставленного государственного сановника рассматривали, прежде всего как возможность в очередной раз донести до власти предержащих свое мнение, поделиться опасениями, предостеречь от глупостей и дать дельные советы. Иногда это даже срабатывало.

«Всеподданнейший доклад министра финансов по поездке на Дальний Восток осенью 1909 г. (Совершенно секретно)» Николай II вернул, по свидетельству все того же В.Н. Коковцова, «с целым рядом самых лестных для меня пометок, а на отчете по Владивостоку написал, что передаст свои указания военному министру, сердечно благодарит меня за всестороннее освещение истинного положения вещей и уверен в том, что не услышит более несправедливых обвинений министра финансов в неассигновании долгосрочных кредитов, когда и отпущенные остаются годами без употребления» [9. С. 360]. Далее доклад был передан по Высочайшему повелению председателю

Совета министров П.А. Столыпину «для обсуждения в сем докладе вопросов, кои требуют дальнейшего направления, в Совете министров». Сохранился проект «Особого журнала Совета министров» с грифом «совершенно секретно», с этим обсуждением, датированный 28 ноября 1909 г. [26. С. 458–461].

Однако последствия путешествия В.Н. Коковцова на Дальний Восток оказались намного значительнее, чем предполагал сам министр финансов – по тому же маршруту весной 1910 г. отправился военный министр. Причем в известность об этом не был поставлен даже Совет министров. Сухомлинову пришлось решать на месте множество вопросов – от казарменного строительства до фортификационного [7. С. 260–261]. По примеру министра финансов он также подготовил, кроме отчета, еще и «особый письменный доклад» о состоянии Владивостока. В.Н. Коковцов был, несомненно, уязвлен этим: «Весь отчет представлял собой сплошную критику моих выводов и представленных мною 6 месяцев назад данных. Все, что я находил хорошим, было осмеяно, составляло предмет глумления» [9. С. 361].

Однако, вопреки мнению министра финансов, эта поездка имела весьма серьезные последствия для строительства укреплений Владивостокской крепости. Именно при докладе императору В.А. Сухомлинов попросил командировать во Владивосток инженер-генерала А.П. Вернандера для наблюдения и руководства производством крепостных работ, так как «обширный крепостной район и сложность работ требовали большой энергии, технических знаний, опытности и зоркого глаза» [7. С. 261]. Разрешение было получено, и А.П. Вернандер был назначен «Особо уполномоченным лицом по усилению Владивостокской крепости», получив широчайшие полномочия. В частности, он имел право утверждать проекты строительных работ на месте, без их предварительного предоставления в Петербург, т.е. просто игнорировать всю военно-бюрократическую систему империи, чем и воспользовался. Прибыв во Владивосток летом 1910 г. и находясь там до 1911 г., когда начальником инженеров крепости и строителем Владивостокских укреплений был назначен генерал-майор А.П. Шошин, он успел утвердить проекты большинства важнейших фортификационных сооружений и фактически сдвинуть дело строительства крепости с мертвой точки [27. С. 324; 28. С. 40–42, 185, 197–198].

В истории визита министра финансов В.Н. Коковцова на Дальний Восток в 1909 г., как в зеркале, отразилось большинство управленческих проблем Российской империи.

1. При достаточно четкой законодательной регламентации сфер деятельности каждого из министерств империи в теории, на практике имели место постоянные и существенные нарушения этих норм, что приводило к самым печальным последствиям. Так, «бухгалтерское» видение В.Н. Коковцевым вопросов обороны государства, его постоянные передергивания и привычка с упорством, достойным лучшего применения, «совать нос» во все мелкие детали военного и морского дела, находящиеся далеко за пределами не

только его компетенции, но и понимания, создавали очень много проблем, поскольку военному и морскому министерствам приходилось постоянно давать огромное количество справок и разъяснений по каждому мелочному вопросу, что топил в бездонной бюрократии решение любой серьезной проблемы. Очень точно обрисовал такое положение дел в Российской империи историк-эмигрант А.А. Керсновский, отмечавший, что «кругозору ротного командира» на верхах армии соответствовал «кругозор столоначальника» на верхах правительственной иерархии. Одинаковые причины ведут за собой одинаковые последствия» [29. С. 126].

2. Неумение или нежелание многих министров, и, прежде всего, именно министра финансов В.Н. Коковцова, ставить государственные интересы выше ведомственных. В то время как военные пытались объяснить, что без серьезных военных реформ империя может просто не выжить, министр финансов интересовался лишь «сведением баланса», смотря на все практически исключительно сквозь призму насущной необходимости «всемерного сокращения расходов Государственного Казначейства». С одной стороны, это было правильно, поскольку устойчивость финансовой системы, безусловно, является необходимым, хотя и не достаточным условием успешного развития экономики страны, а ее разбалансированность в ситуации послереволюционного и послевоенного кризиса, из которого медленно выбиралась страна, могла погубить Россию внутренними потрясениями не хуже любого неприятеля. С другой – именно такой «ведомственный подход» привел к блокированию по финансовым соображениям многих жизненно важных преобразований в стране, начиная от образовательной реформы и заканчивая увеличением количества казенных военных заводов, которые пришлось аврально создавать уже во время Первой мировой войны. Брошенные однажды военным министром В.А. Сухомлиновым В.Н. Коковцову слова «что стрелять деньгами в противника будет нельзя, и что весь его золотой

запас и остальные накопленные средства при национальном позоре перейдут в карманы победителей» [7. С. 234] оказались во многом пророческими.

3. Системные недостатки всей административной системы, обостряемые проблемами в экономике. Недоверие министров друг к другу и императора к министрам приводило к затягиванию решения многих вопросов, постоянному пересмотру утвержденных планов, двойственности принимаемых мер, а часто и полнейшей несогласованности действий четырех важнейших ведомств: военного, морского, финансового и иностранных дел. Все министры понимали, что, с одной стороны, нельзя жертвовать обороноспособностью государства для достижения экономического благополучия, а с другой – опасно подрывать экономку страны, направляя все средства на нужды армии. Переломить ситуацию в условиях существовавшей в России административной системы было невозможно. В результате решение многих проблем сводилось к отстаиванию министрами на Всеподданнейших докладах интересов своего министерства. Это приводило к постоянному противоборству министерств: военного, морского и финансов, что совершенно не шло на пользу империи. Причем ситуация зашла настолько далеко, что в стране оказалось проще отменить с Высочайшего разрешения большую часть административных барьеров для быстрого строительства отдельно взятой крепости Владивосток, чем отладить систему так, чтобы и при точном следовании букве закона можно было в разумные сроки построить хоть что-нибудь крупнее армейского сарая. Во Владивосток просто назначили А.П. Вернандера с правом принимать все решения по планам и проектам укреплений самому и на месте, т.е. вообще не соблюдать установленную законом процедуру их утверждения.

* * *

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке статьи Эду Пулфорду (Ed Pulford), Кембриджский университет (University of Cambridge).

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М. : Междунар. отношения, 1989. 336 с.
2. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
3. Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
4. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб. : Наука, 1998–2001. Т. 1, 2.
5. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
6. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. М. : Кучково поле, 1999. Т. 2. 528 с.
7. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
8. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 8.
9. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2004. 896 с.
10. Унтербергер П. Неотложные нужды Приамурья // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 1. Д. 643.
11. Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I : «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток : Дальнаука, 2013. 383 с.
12. Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II : Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток : Дальнаука, 2014. 408 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 213.
14. Коковцов В. Всеподданнейший доклад Министра Финансов по поездке на Дальний Восток осенью 1909 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1909. Т. 29. № 31369.
16. Памятная книжка Приморской области на 1909–1910 гг. Владивосток: Типография Приморского Областного Правления, 1910. Отд. I. 204 с.

17. Приказ войскам Приамурского военного округа № 245, от 19 мая 1908 г. // Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека. Ед. хр. 1299.
18. Всеподданнейший доклад Военного министра о поездке его на Дальний Восток в Апреле и Мае 1911 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474.
19. История Востока : в 6 т. Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII – начало XIX в.), кн. 2. М. : Вост. лит., 2005. 574 с.
20. Елизарьев В.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. и ее последствия для освоения и заселения острова Сахалина. Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2005. 135 с.
21. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг.: Хабаровск ; Москва : Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 320 с.
22. Калинин В.И., Воробьев С.А. Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Владивосток : Дальнаука, 2005. Вып. 2.
23. История отечественного судостроения : в 5 т. Т. 3 : Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925) / И.Ф. Цветков. СПб. : Судостроение, 1995. 560 с.
24. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М. : Торговый дом «Алгоритм», 2015. 496 с.
25. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1905) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. № 98–99 (Июль–август 1934 г.). Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
26. Особые Журналы Совета Министров Российской империи 1909–1917 гг. / 1910 год. М. : РОССПЭН, 2001. 496 с.
27. Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 6. 642 с.
28. Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV : Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток : Дальнаука, 2015. 378 с.
29. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3 : 1881–1915 гг. М. : Голос, 1994. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2016 г.

BY THE TRANS-SIBERIAN RAILWAY TO THE EAST: THE VISIT OF MINISTER OF FINANCE V.N. KOKOVTSOV TO THE PRIAMURSKIY MILITARY DISTRICT IN 1909

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 38–49. DOI: 10.17223/15617793/405/5

Avilov Roman S. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS; Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Priamurskiy Military District; Vladivostok Fortress; War Ministry; Treasury; V.N. Kokovtsov; V.A. Sukhomlinov.

Using sources from the NA RF and RSHA FE, this article examines the history of the 1909 visit by V.N. Kokovtsov, Minister of Finance of the Russian Empire, to the Priamurskiy Military District. This visit was one of the key developments in discussions between War Minister V.A. Sukhomlinov and Minister of Finance V.N. Kokovtsov, not only regarding improvements to the defense capabilities of the Russian Far East before World War I, but also concerning general questions over the recovery of the Russian Army after the war with Japan and its sponsorship. Kokovtsov was an ambiguous character. Many contemporaries believed that he was a talented financier, but in military circles his reputation was entirely negative. The reason for this was not so much the regular shortfalls in the Treasury funds provided to the military because of budgetary deficits, as it was the Minister's regular interference in exclusively military questions and questions of military technology, as well as his attempts to resolve questions of national defense and insist on his own solutions to the Emperor. There were therefore regular disputes between V.N. Kokovtsov and V.A. Sukhomlinov which spread after World War I throughout the pages of the former Ministers' memoirs. One problem which was being discussed particularly fiercely following the Russo-Japanese War of 1904–1905 was improvement to the defense capabilities of the Russian Far East. Two questions stood out as being of greatest importance. The first was the upgrading of defenses on the Amur, and the second was a radical reinforcement of the Vladivostok Fortress, which involved the building of a new main line of defenses on the land side, and the building of a lot of new batteries on the seaward side of the fortress. Discussions between the War Ministry and the Treasury over this question were drawn out to great length. As a result, it was in fact the Japanese Ambassador who reminded the Russian Emperor about the situation by calling on him not to reinforce the fortress at all. After this, Nicolas II sent V.N. Kokovtsov in person to the Priamurskiy Military District in October 1909 to investigate the situation on the ground. This investigation of archival materials shows that the military's accusations were entirely correct. In his most extensive report concerning the visit, the Minister of Finance did indeed interfere in the sphere of military, naval and military-technological questions and even in foreign policy questions. He described in detail his opinion on every question but was not able to understand many obvious realities which were matter of course to any officer. V.N. Kokovtsov had a one-track mind and in such situations looked at every question from the position of "the desperate necessity to completely axe the Treasury expenses". As a consequence of this situation, the War Ministry and the Admiralty were obliged to explain every little question, a circumstance which greatly inhibited their adjudication on much more important matters, including questions over the reinforcement of Vladivostok Fortress. The ministers were not able to keep national interests over departmental interests, and so the situation was reduced to one wherein each minister was fighting on the side of his own department instead of engaging in collective work for the good of the commonwealth.

REFERENCES

1. Ignat'ev, A.V. (1989) *S. Yu. Vitte – diplomat* [S.Yu. Vitte as a diplomat]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
2. Lukoyanov, I.V. (2008) "Ne otstat' ot derzhav..." Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v. ["Keeping up with the powers . . ." Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Skhimmel'pennik Van der Oye, D. (2009) *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiyey* [Towards the rising sun: How imperial myth-making has led Russia to the war with Japan]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Raskin, D.I. (ed.) (1998–2001) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917* [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917]. Vols 1, 2. St. Petersburg: Nauka.
5. Shatsillo, K.F. (2000) *Ot Portsmutskogo mira k Pervoy mirovoy vojne. Generaly i politika* [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and politics]. Moscow: ROSSPEN.
6. Rediger, A.F. (1999) *Istoriya moey zhizni. Vospominaniya voennogo ministra: v 2 t.* [Story of my life. Memories of the War Minister: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole.

7. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
8. Lukomskiy, A.S. (2001) *Ocherki iz moey zhizni* [Sketches of my life]. *Voprosy istorii*. 8.
9. Kokovtsov, V.N. (2004) *Iz moego proshlogo (1903–1919): Vospominaniya. Memuary* [From my past (1903–1919): Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
10. Unterberger, P. *Neotlozhnye nuzhdy Priamur'ya* [Urgent needs of the Amur Region]. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 702. List 1. File 643.
11. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: military troops, fortification, events, people]. Pt. I. Vladivostok: Dal'nauka.
12. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2014) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: military troops, fortification, events, people]. Pt. II. Vladivostok: Dal'nauka.
13. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 555. List 1. File 213. (In Russian).
14. Kokovtsov, V. *Vsepoddanneyshiy доклад Ministra Finansov po poezdke na Dal'niy Vostok osen'yu 1909 g.* [A humbly report of the Minister of Finance on the trip to the Far East in the autumn of 1909]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 543. List 1. File 303. (In Russian).
15. Russian Empire. (1909) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three]. Vol. 29. No. 31369. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
16. Anon. (1910) *Pamyatnaya knizhka Primorskoy oblasti na 1909–1910 gg.* [The memorial book of the Primorsky region of 1909–1910]. Vladivostok: Tipografiya Primorskogo Oblastnogo Pravlaniya.
17. *Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 245, ot 19 maya 1908 g.* [Order to the troops of the Amur Military District, no. 245, on May 19, 1908]. State Archive of Khabarovsk Krai. Scientific and reference library. Unit 1299.
18. *Vsepoddanneyshiy доклад Voennogo ministra o poezdke ego na Dal'niy Vostok v Aprele i Mae 1911 g.* [A humbly report of the Minister of War of his trip to the Far East in the April and May of 1911]. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 601. List 1. File 474.
19. Rybakov, R.B. (ed.) (2005) *Istoriya Vostoka: v 6 t.* [The history of the East: in 6 vols]. Vol. 4. Book 2. Moscow: Vost. lit.
20. Elizar'ev, V.N. (2005) *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. i ee posledstviya dlya osvoeniya i zaseleniya ostrova Sakhalina* [Russian-Japanese War of 1904–1905 and its implications for the development and settlement of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e.
21. Shulatov, Ya.A. (2008) *Na puti k sotrudnichestvu: rossiysko-yaponskie otnosheniya v 1905–1914 gg.* [On the way to cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk; Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
22. Kalinin, V.I. & Vorob'ev, S.A. (2005) *Stal' i beton protiv Mikado. Beregovaya oborona i ukreplennye rayony sukhoputnoy granitsy na Dal'nem Vostoke SSSR. 1932–1945 gg.* [Steel and concrete against the Mikado. Coastal defense and fortified areas of the land border in the Far East of the USSR. 1932–1945]. In: Starovoytov, B.Ya. (ed.) *Krepost' Rossiya. Istoriko-fortifikatsionnyy sbornik* [Fortress Russia. Historical fortification collection]. Is. 2. Vladivostok: Dal'nauka.
23. Tsvetkov, I.F. (1995) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: v 5 t.* [The history of Russian shipbuilding industry: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Sudostroenie.
24. Ayrapetov, O.R. (2015) *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg.: voenno-politicheskaya istoriya* [On the way to ruin. Russian-Japanese War of 1904–1905: Military-political history]. Moscow: Torgovyy dom "Algoritm".
25. Budberg, A.P. (1934) *Sibirskie vospominaniya (1895–1905)* [Siberian memories (1895–1905)]. *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoy vojny*. 98–99 (July – August 1934). From the fund of the Museum of Russian Culture in San Francisco.
26. Gal'perina, B.D. (2001) *Osobyje Zhurnaly Soveta Ministrov Rossiyskoy imperii 1909–1917 gg.* [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire in 1909–1917]. Moscow: ROSSPEN.
27. Novitskiy, V.F. (ed.) (1911) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 6. St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina.
28. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2015) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: military troops, fortification, events, people]. Pt. IV. Vladivostok: Dal'nauka.
29. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian army]. Vol. 3. Moscow: Golos.

Received: 20 February 2016